

INSTITUTE OF ANTHROPOLOGY AND ETHNOGRAPHY
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCE

Svetlana Ryzhakova

NORTH BENGAL

**Ethnic Profile and Ethnographic Outlook.
East Himalayan region of India**

Nestor-Historia
Moskow • Saint Petersburg
2022

Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая
Российской академии наук

Светлана Рыжакова

СЕВЕРНАЯ БЕНГАЛИЯ

**Этнический профиль и этнографическая картина
восточно-пригималайских областей Индии**

Нестор-История
Москва • Санкт-Петербург
2022

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского фонда
фундаментальных исследований, проект № № 21-19-00174,
не подлежит продаже

Этнографический материал собран в рамках научно-исследовательской
работы С. И. Рыжаковой 2002–2019 гг. в Институте этнологии и антропологии
им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН.

Исследование выполнено в рамках подготовки и работы над проектом РНФ
№ 22-28-00505: «Особые миры» Индии: малые народы и социальные группы.

Этнокультурные стратегии сохранения и сглаживания различий

Рецензенты:

А. В. Бочковская (ИСАА МГУ),
С. Е. Сидорова (Институт востоковедения РАН),
Е. А. Ренковская (Институт языкознания РАН)

Рыжакова С. И.

P93 Северная Бенгалия: этнический профиль и этнографическая картина во-
сточно-пригималайских областей Индии. — М. ; СПб. : Нестор-История,
2022. — 408 с. ; ил.

ISBN 978-5-4469-1995-6

Настоящая книга — первое в российской этнографии комплексное исследование
равнинных пригималайских областей, входящих в штат Западная Бенгалия: районов Дар-
джилинг, Джалпайгури, Алипурдуар и Коч-Бихар, составляющих регион «Северная Бенга-
лия». В шести главах книги анализируются история, природные и культурные ландшафты,
культура, социальный и этнический состав данной территории, прошлого и настоящего
народов бодо (качари), рабха, меч, тото, дхималов, раджбанси и других, феномен чайных
плантаций, этнополитические движения, по-разному представляющие возможное будущее
развитие региона, по-разному его разделяющие и воображающие. Работа выполнена на осно-
ве многолетних полевых этнографических исследований Светланы Рыжаковой и широкого
круга литературы и архивных материалов.

Svetlana Ryzhakova

North Bengal: Ethnic Profile and Ethnographic Outlook. East Himalayan
regions of India. — М. ; SPb. : Nestor-Historia, 2022. — 408 p. ; il.

ISBN 978-5-4469-1995-6

This book examines the ethnographic picture of the Himalayan region of West Bengal and
describes the ethnic profile of peoples inhabiting the area. It is an investigation into the history
and culture of North Bengal sub-region. The six chapters of the book analyze the history, natural
and cultural landscapes, culture, social and ethnic composition of this territory, the past and
present of the peoples of Bodo (Kachari), Rabha, Mech, Toto, Dhimals, Rajbansi and others, the
phenomenon of tea plantations, ethno-political movements, differently representing the possible
future development of the region, dividing and imagining it in different ways. The study is based
on the ethnographic fieldwork conducted by Svetlana Ryzhakova, as well as a wide range of
literature and archival materials. It is the first study in Russian ethnography which explores the
history and cultural diversity of this territory.

ISBN 978-5-4469-1995-6

© С. И. Рыжакова, 2022

© Издательство «Нестор-История», 2022

*Посвящаю эту книгу памяти моих дорогих и любимых родителей:
Людмилы Алексеевны Венкстерн (9 апреля 1931 г. — 4 февраля 2022 г.)
и Игоря Леонидовича Рыжакова (3 декабря 1932 г. — 29 мая 2005 г.),
бесконечно поддерживавших все мои путешествия и с огромной
любовью и интересом всматривавшихся через мои глаза в жизнь
и культуру народов Северной Бенгалии*

Введение

Земля олив, бамбука, молочая

Бог Солнца имел двух дочерей — Мукди и Кунди. Они сопровождали своего отца, когда тот путешествовал через небосвод, от горизонта до горизонта. Однажды, двигаясь вместе с ним, они заметили на земле одно место — Расан Мукпарк Тари, «гору, где восходит солнце». Пошли туда, и начали бродить, наслаждаясь. Там они встретили прекрасного мужчину, Хаджу, и полюбили его. Хаджу женился на обеих; говорят, что их потомки стали предками народа коч.

Дочери солнца (миф коч).

Ghosh G. K., Ghosh S. 1998: 16–17. № 24

Ночной поезд *Падатик экспресс*, идущий с калькуттского вокзала Селда на север, пересекает границу районов Западной Бенгалии Муршидабад и Мальда с широким руслом реки Ганги затемно. Далее путь лежит по двум причудливым, извилистым районам Южного и Северного Динаджпура — крайне узким, настолько узким, что в одном месте их ширина не превосходит 27 км. Это так называемая «куриная шейка»¹, или «бутылочное горлышко» Индии, или «коридор Силигури», по которому проходят железная дорога и трасса национального значения, National Highway NH 31. Это — самое узкое место Республики Индия, территория, где едва ли не сходятся в точку границы Непала, Бутана, Бангладеш, область связи основной индийской территории с Сиккимом и Ассамом. Современная конфигурация этих границ прочерчивалась в 1947–1948 гг. (карта 1).

Здесь ощутимо меняются ландшафт и климат (ил. 1): становится прохладнее, за окном рисовые поля все больше и больше

---

¹ В Южной Азии существуют две так называемые «куриные шейки» (chicken neck), и обе — результат раздела страны в 1947 г. на Индию и Пакистан: Силигури и — на территории современного Пакистана — Акхнур Дэггер (Akhnoor Daggar, «Кинжал Акхнура»).

обрамляются тонкими стволами арековых пальм, кое-где виднеются чайные плантации. Сероватые туманы, легкая дымка. Оставшиеся кусочки леса — то, что не было вырублено и выжжено народами, занимающимися передвижным подсечно-огневым земледелием. Кое-где девственные джунгли еще сохраняются, но не там, где пролегло железнодорожное полотно. Все реки в районах севернее Динаджпура текут уже не с запада на восток, как в остальной Бенгалии, а с севера на юг, беря свои истоки в Непале, Сиккиме и Бутане (ил. 2, 3).

Чуть дальше, в районе Джалпайгури, некогда было изобилие оливковых рощ, откуда город и район получили свое название — *джалтай* (Indian olives, *Elaeocarpus serratus*), олива (ил. 6). Сейчас эти деревья, правда, можно увидеть довольно редко. Все больше и больше бамбуковых зарослей. Тут и там — крепкие растения, разновидности молочая: *сидж* (*Euphorbia* genus) с острыми пятиконечными стеблями: священное растение для местных народов, говорящих на тибето-бирманских языках (ил. 7).

Чувствуется, что вокруг начинается иное пространство. Меняются и лица людей: все более явными становятся монголоидные признаки. Отовсюду слышно дуновение разных ветров. Бенгалия или Бангладеш? Почти Непал? Привкус Юго-Восточной Азии? До Ассама еще полдня езды. На железнодорожной станции Нью-Джалпайгури (NJP, New Jalpaiguri (ил. 5)) выходят туристы, отправляющиеся на джипах в Дарджилинг или Сикким. Дальше на поезде едут исключительно индийцы, в основном — местные жители.

Районы Джалпайгури и выделенный в 2014 г. из него Алипурдур известны только своими заповедниками дикой природы — Букса, Горумара, Джалдапара. Соседнему с востока району, бывшему княжеству Коч-Бихар, «повезло» немного больше: в путеводителях упомянуты его царский дворец, построенный в викторианском стиле, и храм Мадан Мохан, а также рекомендованы экскурсии в храмы Банешвари и Госанимари. Но более — ничего.

В последние годы я проделываю этот путь довольно часто. Выхожу на станции, где никогда не выходят и без того редкие на пути в Ассам туристы: Jalpaiguri Road. Здесь меня уже поджидают друзья и спутники, местные жители. Впереди — экспедиция, дороги и встречи.

Из полевого дневника

5 февраля 2003 г.

Калькутта — Джалпайгури

Вечером — отъезд из Калькутты в Джалпайгури. Выехали из Gorky Sadan² с Шафи в 15:45: Камруп экспресс в 17:35. Приехали на вокзал без десяти пять. Я уже хотела отослать Шафи, мол, сама до поезда доберусь, но он, умничка, говорит: *Madam, you please do enquiry!* Оказалось, поезд перенесен на завтрашнее утро. То есть вместо того, чтобы сесть в половину шестого вечера и туда прибыть около 8 утра, мне предложили приехать на вокзал завтра к 11 утра и трястись весь день, 11–12 часов, чтобы прибыть туда к полуночи! Весь день Сарасвати-пуджи. Мы с Шафи быстро-быстро к Station master, отправляйте меня как угодно, но сегодня. И он мне переписал билет на Уттарбанга экспресс, который отходит с вокзала Селда (Sealdah) в 21:15. И вот ведь: мадам, напишите заявление, что вы не против путешествовать в ordinary coach (то есть третьим классом, сидячим), и еще вы должны доплатить за расстояние до Селды. Взяла ручку писать, но вовремя опомнилась. Я платила за Sleeper, до New Mainaguri, меня же везут только до NJP, еще с такими приключениями.

В общем, нашлась мне в том поезде полка, спальное место, боковая, но какая разница! Доехала хорошо, утром снимала на видео ландшафт с тающей дымкой тумана. Наутро на станции NJP меня встретил Дилип: как приятно увидеть знакомое лицо после года отсутствия.

14 февраля 2013 г.

Шивмандир

Сарасвати-пуджа и День Валентина

Путешествие на верхней полке со всем багажом — дело нелегкое, ночью то и дело просыпалась, беспокойно все. Утром прибыли в 8:20. Меня встретил Динеш, шли через длинный мост над путями. Потом сели в удивительную трехколесную повозку, куда запикивали по 8 человек, и еще долго ожидали пассажиров. На лавочке напротив стоянки повозок — «иконостас» известных политических деятелей Индии XX в. Долго добирались до Шивмандира, в Северо-Бенгальский

---

² Gorky Sadan — так в Калькутте называется Русский культурный центр, в настоящее время Российский центр образования и культуры; он носит имя Максима Горького.

университет, здесь теперь живет Дипок Рай³ с женой и дочерью. Лепешки с баклажанами. Лекция Свараджа Басу «Наша культура — их культура». Вечером я пообщалась с ним тет-а-тет. Он из Дели, преподает в Университете Индиры Ганди. Катастрофически засыпала: все же, оказывается, устала. Удалось скачать driver для диктофона в интернет-лавке, у маленьких непальцев. Здесь вообще не понимаешь, в каком государстве находишься: уже Непал? Еще Индия? Говорят, тысяча человек ежедневно прибывает сюда из Бангладеш, чтобы никогда не вернуться назад.

Впервые я попала сюда зимой 2002 г. по приглашению Динеша Рая, учителя из средней школы в городке Майнагури, большого энтузиаста в деле изучения местного фольклора (ил. 9). Мы познакомились с ним в 2001 г. на фестивале в Дели; он был с небольшой музыкальной группой из народа раджбанси (раджбанши)⁴, и тогда я впервые увидела их традиционный «змеиный» танец, связанный с культом богини Моноши, или Бишохори (ил. 8). Некогда Динеш был ассистентом и экспедиционным помощником известного этнографа Чару Чандры Саньяла, автора фундаментального этнографического труда «Раджбанси Северной Бенгалии». Теперь же он стал и моим спутником и информантом. Я подружилась с женой Динеша, Дипти (ил. 10) — замечательной певицей, исполнительницей песен традиции *бхавайя*. Она выступает как одна, так и с группой музыкантов и танцовщиц (ил. 11). Их дочь, Аниндита (дома ее неизменно и любовно называют «Мамун» (ил. 12)), с детства играет на нескольких традиционных музыкальных инструментах и неплохой поэт.

---

³ Здесь и в других случаях: написание и произношение бенгальской (да и не только) фамилии Рой / Рай варьирует: Roy, Ray, реже Rai.

⁴ Раджбанси, также раджбанши, раджбонгши, крупная, широко расселенная, социально и профессионально стратифицированная этнокультурная общность с языком, именуемым раджбанси (раджбанши), схожим с бенгальским и ассамским, но содержащим некоторый тибето-бирманский субстрат. Сами себя они именуют «раджбанши», но на деванагари и латинице в настоящее время сложилась традиция написания этнонима и языка как «раджбанси»; это оговаривает Кристофер Вильде, автор грамматики их языка (Wilde 2008: 1–2). Ниже я буду следовать этой модели. Раджбанси восприняли индуизм, а ныне и многие общеиндийские и индуистские культурные черты (мужской костюм, женское сари, пищевая модель).

Динеш познакомил меня со своим другом. Дилип Кумар Барма (ил. 13, 14), по образованию — философ (он окончил Университет Северной Бенгалии, получил степень магистра), по профессии же долгие годы — банковский служащий, сотрудник сначала Регионального Северобенгальского отделения Сельского банка (Regional Rural Bank, Uttarbanga), а затем Центрального банка Индии (Central Bank of India), человек увлеченный изучением деревенской культуры, верований, повседневного быта, песен, танцев — в общем, фольклора и этнографии. Работа в банке для Дилипа была тяжким, но неизбежным занятием, однако и в нем он умел находить интересный для себя угол зрения. По долгу службы он встречался с обитателями самых отдаленных и бедных деревенок. Он узнавал, сохраняются ли у них традиционные формы хозяйствования и культуры. Другая сторона дела — неформальное отношение, помощь неимущим и малограмотным людям в оформлении финансовой стороны их жизни. Дилип Барма ежедневно, без усталости подсказывал, разъяснял людям, на что они имеют право, как им лучше оформить свои денежные вклады и прочее. В 2017 г. он стал директором Института обучения самозанятости в сельской местности при Центральном банке Индии (Rural Self Employment Training Institute, Central Bank of India Jalpaiguri, Under the aegis of Ministry of Rural Development, Gov. of India), а в 2020 г. вышел на пенсию. Ныне он вице-президент Центра народного обучения (Jana Shikshan Sansthan, Jalpaiguri, Skill Development under aegis of Gov. of India), член Центра исследований фольклора при Университете Райганджа (Center for Folklore Studies, Raiganj University, West Bengal) и активный участник деятельности Академии фольклора Толлиганджа в Калькутте (Tollyganj Folklore Academy, Kolkata). В апреле же 2022 г. он был избран советником муниципалитета Джалпайгури.

Первоначально мой интерес был конкретным, ограниченным и касался в основном местной религиозной культуры и исполнительских традиций. Я занималась сравнительным анализом различных танцевальных жанров Индии, и единственное, о чем я знала в начале северобенгальских путешествий, было существование у народа раджбанси того самого своеобразного «змеино-го танца», исполняемого девушками и женщинами в ходе обрядов,

посвященных змеиной богине Моноше. Однако огромный энтузиазм моих новых знакомых, бескорыстная помощь, желание учиться основам этнографической дисциплины и готовность делиться своими знаниями навсегда связали меня с этим миром — миром Северной Бенгалии. От меня ждали и ждут поныне, что я буду приезжать еще и еще, путешествовать с ними, размышлять, наблюдать, писать, обсуждать все, что их волнует. У меня просто не было другого выхода: принятие в узкий круг «своих», «посвященных», требует ответного жеста.

Район Джалпайгури, родина моих друзей, стал для меня исходной точкой путешествий, наблюдений и размышлений обо всей территории так называемой Северной Бенгалии. Со временем мне удалось побывать на самых отдаленных его окраинах, в соседних Дарджилинге и Коч-Бихаре, а также в западных районах Ассама, в областях Гоалпара, Дарранг, и не только. Я жила в деревнях раджбанси, формально считающихся зарегистрированной (или списочной) кастой, и в деревнях других этнических групп, ныне входящих в списки зарегистрированных племен и «прочих отсталых классов» (Other Backward Classes)⁵. Бесчисленное количество бесед, интер-

---

⁵ Зарегистрированные, или списочные, племена (Scheduled Tribes) в Индии, наряду с зарегистрированными кастами (Scheduled Castes), это обобщающие термины, объединяющие официально признанные государством группы, отличающиеся от «Общих классов» (General Classes, GC, ранее называемые также «Общими кастами»), обладающие рядом специфических признаков (особые тип хозяйства и занятости, территория, социальная структура, язык, верования), признанные исторически дискриминируемыми, социально и экономически отсталыми и защищенные статьей 342 Конституции Индии. Еще одна категория, «прочие [другие] отсталые классы» (Other Backward Classes) — это социально и образовательно отсталые классы (socially and educationally backward classes (SEBC)), составляющие приблизительно половину населения всей страны, на защиту которых направлено действие 340-й статьи Конституции Индии. На ST, SC, OBC распространяется государственная система резервирования, проводимая в рамках так называемой политики «позитивной дискриминации» (обеспечения их представительства в сфере образования, занятости и управления путем квотирования (ныне это 27 % в публичном секторе) и снижения квалификации, необходимой для сдачи экзаменов, получения вакансий и т. п.).

вью, видеозаписи обрядов и праздников, деталей современного быта, путешествия по дорогам и бездорожью. Кое-что для меня прояснилось в жизни людей этой области, жизни реальной и воображаемой, хотя, конечно, остается и много вопросов.

Из полевого дневника

6 февраля 2003 г.

Джалпайгури — Майнагури

День Сарасвати-пуджи

От NJP (Нью-Джалпайгури) до города Джалпайгури — 45 км; ехали на автобусе. Из-за моего приезда и нашей этнографической работы Дилип сократил свою поездку с женой в Коч-Бихар, где у него в эти дни идет поминальная церемония, шраддха, по умершему месяц или пару месяцев назад дяде по матери.

Всю первую половину дня мы ездили по Джалпайгури. Рассказал о своей новой работе в отделении Сельского банка (Rural Bank) в деревне Кучлибари — за городишком Меклигандж, в малюсеньком отрожке дистрикта Коч-Бихар, вдающемся в Бангладеш. Там, сказал, так много этнографически интересного! Он собирается устроить этнографический музей, для чего хочет привлечь местных жителей: кто-то даст ему бамбуковых жердей, кто-то — сами предметы, что-то он попросил сделать на заказ, например, две маски, используемые в ходе Моноша-пуджи. Место для этого музея Дилип уже подыскал (и через день я его увидела). На окраине деревни, на излучине реки, около одиного мангового дерева.

Пока мы планировали поездку, почти весь этот день проездили на мотороллере по Джалпайгури. Утреннюю пуджу я не увидела, поезд пришел около 10:30, и пока мы добрались до дома, был уже полдень. Зато снимали образы Сарасвати: они стоят в неисчислимом множестве, на всех углах, во всех учебных заведениях обязательно, где сегодня выходной. Женщины заняты украшением тханов⁶ с Сарасвати: делают альпоны⁷, ходят по городу в красивых праздничных одеждах,

---

⁶ *Тхан*, что может быть возведено к др.-инд. *стхана* — место; в данном случае место, в котором установлено изображение божества или алтарь.

⁷ *Альпона*, или *ранголи* — узор, чаще всего напольный (также и на других плоских поверхностях), обычно перед входом в дом, который выкладывается подкрашенным рисовым порошком. Как правило, делается на праздники.

и даже девушки, повседневно носящее джинсы с футболками, — сегодня в сари. Очень много групп молодежи. То и дело слышно «улю-улю» — ими трижды оглашается пространство вокруг, это звуки, которые, как считается, имеют очищающие и благословляющие свойства. Особенно хорошо их умеют производить женщины.

Съездили в гости к Шибапате Бхоумику, он — председатель муниципалитета (Chairman, Jalpaiguri Municipality), в прошлом — фольклорист и занимался культом Тисты, богини Тиста-бури у раджбанси. Смотрели записи обряда 25-летней давности и много говорили.

* * *

Потом, после ланча, Дилип и Ронджона отправились к своим родственникам в Коч-Бихар, а я — в Майнагури. На остановке меня встретила Дипти. И так крепко схватила за руку! Все ее движения — сдержаны, но полны внутренней энергии, она излучает заботу и приязнь: «Теперь ты — со мной!» Мы пошли. Проходя мимо знакомых, Дипти явно гордилась мной: «Посмотрите, вот моя гостя!»

Жизнь медленная, спокойная: асте-асте! (Хотя это они говорят в транспорте, когда одновременно и торопят кого-то, замешкавшегося, но и хотят уберечь его от спешки и падения.) Ни Ронджона, ни Дипти не садятся есть вместе со своими мужьями, кормят их отдельно: их и гостей, если таковые есть. Сами же едят всегда потом.

Вечером гуляли с Динешем и Дипти по праздничному Майнагури: пандалы⁸ с Сарасвати, лавочки, торгующие сладями, книжная ярмарка — куда меня сразу же пытались ангажировать на завтра как почетного гостя. Зашли в храм Кали около рынка. Как часто бывает: постройка и идол — современные, место, говорят, «очень древнее». Жрецы приняли меня очень радушно: поили чаем, расспрашивали и сами много рассказывали.

Домой вернулись часам к 9 вечера. У соседей на открытой веранде большая компания пела киртаны, посвященные Кришне. Я поснимала: алтарь с дымом, музыкантов и певцов, подпевающую публику и улюлюкание. Нас с Дипти кормили прасадом: кусочки фруктов и большие порции кичри. Началось братание, которое грозило затянуться надолго, и мы поспешили удалиться. Дома же ждало еще одно испытание: ужин; есть было трудно после того плотного прасада, но, видимо, любая еда вне дома за еду вообще не считается.

---

⁸ Временные сооружения для установки алтаря и/или проведения обряда, церемонии, священнодействия.

У Динеша в основном все по-старому, только дома появился телефон. У Дипти вышли новые аудиокассеты, с ее пением. Их ученица Долли Синха из Силигури получила очень неплохую стипендию и сейчас — в Хайдарабаде, изучает вокал.

* * *

Историко-культурные ареалы были и остаются важным предметом этнографических исследований. В 1970–1980-е гг. появились обобщающие концептуальные работы о *территории* как политической технологии, пространстве, связанном правовой практикой, хозяйственной деятельностью. Речь шла о территории не только как о географической области проводимого исследования, но и как о культурной и социальной проблеме (см.: Gottmann 1973; Sack 1986)⁹.

К теме территории в Южной Азии обратились и российские индологи на конференции «Территория и принадлежность» (в рамках проекта И. П. Глушковой «Под небом Южной Азии»; Бочковская 2016). Исследование это было сфокусировано на представлении о «территориальности» (Sack 1986) как своеобразной географической стратегии, нацеленной на контроль и пространства, и людей и выражающейся также во множестве форм — политической, юридической, эмоциональной. Мой рассказ о Северной Бенгалии тогда содержал вопрос — можно ли считать территорией историко-культурную область, не объединенную исторически единой и сильной государственной властью и границы которой довольно расплывчаты, а силы, удерживающие ее целостность, — не очевидны.

Несмотря на усилившиеся миграции и глобализацию, в ряде случаев культурные ареалы обнаруживают определенную устойчивость. Очевидно, что причин тому может быть несколько: географическая обособленность, политическая изолированность, сильная этническая или другая групповая идентичность конкретной общности, связанная с данной территорией.

---

⁹ См. также дискуссию о «территории», точнее — способах концептуализации территории как своеобразной «ловушке» и о «выходах» из нее посредством исторического анализа: Agnew 2010. Другим интересным подходом к территории как проблеме являются известные исследования «памяти места» Пьера Нора (Nora 1989; 1996).

Интересно, что определенной исторической стабильностью и преемственностью обладают не только, так сказать, «сильные», но и «слабые ареалы», некоторые из которых становятся своеобразными «мостами» между сильными соседями, или буферными зонами. К описанию обществ подобных территорий на Северо-Востоке Индии одним из первых обратился этнограф, профессор Б.К. Рой Барман, связанный своим происхождением с царской семьей одного княжества Северо-Востока Индии, Трипура. Речь идет о пространствах с неотчетливой границей, неясной государственной принадлежностью, слабыми или множественными центрами власти и неявной или слоистой этнокультурной идентичностью. Несмотря на серьезные политические преобразования, изменение административных границ, некоторые ареалы в силу географической обособленности и политической изолированности демонстрируют устойчивость. В чем-то они, как мне кажется, похожи на межзвездное пространство космоса.

* * *

Из полевого дневника

5 февраля 2006 г., воскресенье

Джалпайгури

Утром съездили в храм Три-срота, в 30 км к северу от Джалпайгури. Рядом — Бодогандж, ранее здесь жили бодо. Три-срота — буквально «три потока», Тиста, река, берущая свое начало в Сиккиме: один поток идет из Ранджита, на равнине их становится три. Ранее здесь был сплошной лес, и поселение Рудракшапур — Раджгандж. Сейчас место называют Бат-пакури (Baṭ-pakuri). Местность слабо заселенная и открытая, с одним деревом рудракшей (rudrākṣa, *Elaeocarpus ganitrus*) и с фикусом (aśvattha, *Ficus religiosa*) с расщепленным стволом.

О том, что храм Три-срота это сати-питха (священное место, где почитается богиня Сати, поскольку здесь, по преданию, упала на землю одна из частей ее тела) известно из списков, но три места соревнуются за это звание. Одно на территории Бангладеш, другое — на границе. Здесь храм небольшой, двухкамерный, стоит большая скульптура и одна левая ступня богини — недавнего изготовления.

Гостеприимство: заехали за приятелем Дилипа. В доме звучала сладкая бенгальская музыка. Я похвалила — тут же получила в дар диск. Шофер Раджеш повез нас окольной дорогой, чтобы проехать мимо своего дома. Выходить из машины и заходить в его дом, к сожалению, не было времени, мы спешили; так просто на дорогу к нам выбежала жена, чтобы подарить мне плюшевого медвежонка: тоже почти визит! Очень трогательно. Посетили и других. В прошлый раз одной женщины из числа родни Дилипа не было дома. Так она переживала! *Kharab lagche* — «нехорошо было», *tando bhagya* — «неудача», «*bad luck*». Гость пришел, а ее нет дома! Несчастье. Гость это бог — *otithi deb*.

Мое этнографическое изучение Северной Бенгалии началось в 2002 г. и первоначально было сосредоточено на исследовании местной исполнительской культуры и фольклора. Февраль 2002 г., январь 2003 г., январь — февраль 2004 г., январь 2005 г., январь — февраль 2006 г. я провела в районах Джалпайгури, Дарджилинг, Коч-Бихар и западном Ассаме, изучая музыку, пение, танцы, религию и народные верования разных местных этнических групп. Меня интересовало, какие формы и жанры сказительства, народного театра, танца и музыки здесь существуют, с какими обрядами и культурами они связаны, подвержены ли в настоящее время трансформации и модернизации. Позднее, в 2007, 2011, 2013, 2015, 2016, 2018 гг. я приезжала туда еще несколько раз, чтобы побывать в отдаленных, в том числе племенных деревнях и поселках.

Все экспедиционные выезды, поездки по деревням и поселкам, общение с местными жителями осуществлялись благодаря моим уже упомянутым выше помощникам, спутникам, ассистентам (по-английски называемым *resource persons*). Обе семьи, Динеша Рая и Дилипа Бармы, ставшие мне почти родными во время моих северобенгальских экспедиций, принадлежат к этническому сообществу раджбанси, ныне входящему в категорию «зарегистрированных каст». Увлеченные изучением народной культуры и искусства, они проникались духом полевой этнографической работы; с их помощью я узнала об особенностях местного общества, культуры, верований. С 2002 г. и по настоящее время все мои северобенгальские экспедиции осуществлялись при их бескорыстной помощи и поддержке.

Немало я почерпнула в беседах с этнолингвистом Дипоком Раем, этнографом Бималенду Маджумдаром (ил. 15), историком Свараджем Басу. Источниками настоящей работы стали полевые исследования, наблюдения, интервью в городах и десятках деревень, а также этнографические данные, почерпнутые мной из литературы (в основном описание конкретных племен и локальных групп). Библиография для настоящей работы собрана в результате долгих и тщательных поисков, часть ее — это неопубликованные материалы проектов университетов и Индийского совета исследований в области социальных наук (Indian Council for Social Science Research, ICSSR), а также — малотиражные книги и малоизвестные специализированные работы. Я признательна сотрудникам библиотек ICSSR в Нью-Дели и Центра культурных исследований (Centre of Cultural Research) в Калькутте за неизменную помощь.

* * *

Штаты Республики Индия исходно совпадали с крупными историко-культурными и лингвистическими ареалами. Однако отдельные их части были и остаются примером «слабых ареалов» и требуют специального внимания этнографов. Пример тому — пригималайские области Бенгалии и Ассама, получившие в этнографической номенклатуре обозначение «Северная Бенгалия».

В настоящей работе я обращаюсь к сложной этнографической картине Северной Бенгалии¹⁰ (карта 2), а также к культурному содержанию представления о «Северной Бенгалии», к самой концепции этого региона в контексте его истории. Существует ли «Северная Бенгалия» в этнографической реальности, или же это только условное обозначение территории? А если существует, то — *каким образом* она существует, что составляет ее культурное ядро и как очерчиваются ее границы?

---

¹⁰ Разделенной, как и в целом вся Бенгалия, сначала в эпоху Британской Индии, в 1905 г. в рамках административной реформы, когда были сформированы провинции Бенгалия, Восточная Бенгалия и Ассам, а затем в 1947 г. между Индией и Пакистаном, восточная часть которого в 1971 г. преобразовалась в Народную Республику Бангладеш.

Северная Бенгалия во многих отношениях связывает между собой Южную, Юго-Восточную и Высокую Азию¹¹ (если под последней понимать пространство Гималаев, переходящее в Тибетское плато).

Пограничность этой области отразилась и на особенностях социального устройства, и на хозяйственной и жизнеобеспечивающей деятельности, и на религиозной и повседневной культуре. Здесь имеются крупные, широко расселенные, социально и профессионально стратифицированные этнокультурные общности, воспринявшие ряд бенгальских культурных черт, индуизм, а ныне и во многом и общеиндийский костюм (в частности, женское сари) — прежде всего, это раджбанси. Свои языки, племенные религиозные и повседневные обычаи, племенное устройство сохраняют живущие в своих деревнях племенные сообщества рабха, ораон, бодо (качари), гаро.

Индустские храмы Северной Бенгалии, например, находящиеся около Джалпайгури — Джатилешвар (ил. 32) и Джалпешвар (ил. 34–37), — входят в число наиболее почитаемых священных мест, *питха*, чаще всего связанных с шактизмом. Внешне они предельно просты: несколько ступеней ведут вниз, где посередине небольшого святилища располагается большое круглое *йони*, внутри которого обитает *шивалингам* — почитаемый камень. Почти всегда это священные камни необычной формы, находящиеся в низинах, пронизанных сетью водоносных источников, родников. Все старые храмы Северной Бенгалии углублены в землю (ил. 33, 251), иногда всего на несколько ступеней, иногда на 2–3 метра. *Лингам* здесь не возвышается над *йони*, но наоборот: запрятан внутрь, и чтобы к нему прикоснуться, нужно встать на колени и засунуть руку чуть ли не по локоть в круглое отверстие, обычно заполненное влагой и засыпанное как немного увядшими, так и совсем свежими цветами. В рассказах Дилипа Бармы и Динеша Рая звучали две версии осмысления такого углубления святыни: с одной стороны, связь с идеей колодца, в котором священный образ находится на грани между миром

---

¹¹ Этот термин, редко используемый в этнографии, предложил географ В. М. Сеницын (см.: Сеницын 1955: 51–67).

подземным и земным и проявляется вместе с водой, как и в источнике, а с другой стороны — общеиндуистская практика устройства двух мест обитания святыни — явной, внешней, «дневной», выставленной на всеобщее обозрение, и скрытой, тайной, невидимой, «ночной». Некоторое сходство имеется между этими храмами и храмом Камакхьи на холме Нилачара около Гувахати в Ассаме.

Культурное пространство восточных пригималайских областей — своего рода место встречи и креолизации нескольких языковых, расовых, хозяйственных, этнических общностей (см.: Majumdar 1971: 112, 226). Тут сосуществуют языки тибето-бирманские, индоарийские и дравидийские, кастовое общество соседствует с племенными образованиями, а на примере раджбанси мы отчетливо видим процессы санскритизации и индуизации тибето-бирманских этнических групп бодо, прежде всего меч и коч. В относительно недавнем прошлом большинство живших здесь народов практиковали подсечно-огневое земледелие *джхум*, что предполагало периодическое передвижение людей и перемещение всей деревни. Со временем подвижность их снижалась, формировались постоянные поселки и городки, менялся облик территории, а с середины XIX в. и особенно начиная с 1870-х гг. резко возросла миграция сюда как представителей кастового общества из Бенгалии, так и рабочих, приезжающих на чайные и арековые плантации, и известных здесь под общим обозначением *адиваси*. Любопытно, что если в целом в Индии этот термин маркирует исконных, племенных жителей, не пришлых, не мигрантов, то здесь мы видим иную картину: здесь *адиваси* — перемещенные семьи из числа племен, в основном с территорий современных штатов Джаркханд, Чхаттисгарх, Бихар. Плантации кардинально изменили и экологический, и социальный облик всего региона. Спокойные территории ныне пересекаются с зонами тлеющих этнополитических конфликтов и даже с областями действия террористических групп.

* * *

Цель настоящего исследования — прояснить этнографическую картину пригималайских областей Бенгалии и очертить их этнический профиль. Речь пойдет о землях пяти районов, административно

входящих ныне в состав штата Западная Бенгалия — Дарджилинг (и выделенный из него в 2017 г. Калимпонг), Джалпайгури, Алипурдуар, а также Коч-Бихар, составляющих регион Северная Бенгалия, само выделение которого не вполне понятно и не очевидно. Неизбежно будет возникать необходимость экскурсов в западные районы Ассама, других штатов индийского Северо-Востока и некоторые другие районы Индии, исторически и культурно связанные с избранным нами пространством. Настройка «оптики», поиск наиболее правильного фокуса взгляда — одна из важнейших задач работы.

Представленные шесть глав книги последовательно анализируют важнейшие проблемы этнографии исследуемого региона.

Первая глава, «Зона неопределенности. “Северная Бенгалия”: проблемы территории, границ и принадлежности», ставит вопрос определения «Северной Бенгалии». Пространственный географический принцип в сочетании с особенностями политической и этнической истории и административной принадлежности стали факторами, наметившими границы этой территории, однако ни один из них не стал решающим, который бы окончательно ее сплотил. Мы обратимся к региональной принадлежности земель Коч-Бихара, Джалпайгури, Алипурдуара и Дарджилинга, к их связи с индийским Северо-Востоком — как в идейном пространстве политических концепций, так и в исторической и этнографической реальности.

Во второй главе — «Узлы истории, разорванные границы, швы повседневности: этапы местной истории и историческая память» — рассматривается историческая картина исследуемого региона. Один из ключевых подходов к выявлению модели его исторического развития я почерпнула в работе Сангитамитры Мишры, изучавшей западную оконечность штата Ассам — Гоалпару, и назвавшей ее пространством «связанных историй и разорванных рубежей». Именно это определение можно распространить и на всю Северную Бенгалию, восточные пригималайские области. Речь идет о буферном характере этой территории, когда на протяжении длительного времени сохраняется его — так сказать — мультипограничный профиль. Это отражается в формировании здесь своеобразного общества контактного типа, в котором хотя и сохраняются отдельные

этнические группы, но все они находятся в «плывущем» состоянии долгого, медленного, постепенного смещения.

Третья глава — «Общество Северной Бенгалии в контексте индийского социума: общая характеристика» — посвящена особенностям местной социальной картины. Мы проанализируем общество Северной Бенгалии с точки зрения его сословного, кастового и этнического деления, сопоставим его с другими культурными ареалами Индии. Зададимся вопросами о том, какие группы здесь входят в число племен, зарегистрированных каст, какие особенности носила миграция на территорию Северной Бенгалии. Особое внимание обратим на религиозную культуру и на конфессиональную картину, сложившуюся у местных народов.

В четвертой главе — «Этническая картина Северной Бенгалии: племенные сообщества и стратегии их социальной и культурной адаптации» — представлена этническая мозаика данного ареала, исследованы несколько важнейших автохтонных этнических групп. Подробно описаны культура, история и современное положение таких народов, как бодо (качари), меч, рабха, гаро, дхималы, тото и раджбанси.

Пятая глава — «Чайные плантации Северной Бенгалии: этнокультурные особенности и контекст существования» — исследует одну из своеобразных страниц местной истории, сыгравшую важнейшую роль в формировании ландшафта и общества, а именно появление чайных плантаций, которые повлекли за собой существенные перемены. В главе обозначены вехи развития чайного дела в Индии в целом и особенности формирования «садов», их администрации и их работников в районах Дарджилинг, Джалпайгури, Алипурдуар.

В шестой главе — «Встреча пограничий. Этнополитические движения Северной Бенгалии: Горкхаленд, Камтапури, Бодоленд. Образы и варианты местного будущего» — мы обратимся к нескольким этнополитическим движениям Северной Бенгалии, по-разному представляющим возможное будущее развитие региона, по-разному его районирующим и воображающим. Как местные политические проекты оказываются связанными с национальными, как моделируется прошлое и будущее отдельных групп, как они обретают

социальный и политический вес и как приходят в противоречия друг с другом — этому кругу вопросов и посвящен настоящий раздел книги.

Слова признательности

Материал для настоящей книги собирался на протяжении двадцати лет, в рамках научно-исследовательской работы в Институте этнологии и антропологии РАН. В течение многих лет все мои экспедиции выполнялись при содействии индийских коллег, я объездила и обошла многие земли Северной Бенгалии, регулярно бывала, жила и работала и в северо-восточных штатах — Ассаме, Манипуре, Нагаленде, Мегхалайе. Мне приятно адресовать слова признательности всем тем людям, без которых появление этой книги не было бы возможным, и прежде всего Динешу и Дипти Рай, Дилипу Барме и его супруге Ронджоне.

Размышлениям над собранным материалом способствовали многие семинары, конференции и неформальные дискуссии с моими коллегами по цеху, сотрудниками Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Института востоковедения РАН, Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Восточного факультета СПбГУ, Антропологической службы Индии (Anthropological Survey of India), Университета Калькутты (University of Calcutta), Университета Северной Бенгалии (North Bengal University). Большую помощь мне всегда оказывали сотрудники библиотеки Индийского совета по исследованиям в области социальных наук (ICSSR library), в частности Национального центра документации в области социальных наук (National Social Science Documentation Centre).

Отдельную благодарность я хочу выразить моим рецензентам, внимательно прочитавшим рукопись и сделавшим много ценных замечаний и уточнений: Анне Викторовне Бочковской — историку, индологу, профессору ИСАА, занимающейся проблемами территорий, идентичностей и границ в Южной Азии, Светлане Евгеньевне Сидоровой, ведущему научному сотруднику Института востоковедения РАН, историку и специалисту по эпохе Британского Раджа,

и Евгении Алексеевне Ренковской, научному сотруднику Лаборатории исследования и сохранения малых языков Института языкознания РАН, неутомимой исследовательнице языков и культур Индии, прекрасному лингвисту, полевику.

Эта книга — зеркало встреч и общения, ответ на то бесконечное множество даров, которые я получила. Посвящаю ее моим собеседникам и спутникам, людям Северной Бенгалии, всем тем, кто щедро делился своими знаниями, с огромным дружелюбием открывал для меня свой материальный и духовный мир.

Светлана Рыжакова

ведущий научный сотрудник
Института этнологии и антропологии
Российской академии наук,
член Индийского антропологического общества

Svetlana Ryzhakova
North Bengal:
Ethnic Profile and Ethnographic Outlook.
East Himalayan regions of India

This book examines the ethnographic picture of the Eastern Sub-Himalayan region and describes the ethnic profile of peoples inhabiting the area. It is an investigation into the history and culture of North Bengal sub-region: Darjeeling, Kalimpong, Jalpaiguri, Alipurduar and Koch Bihar (Coochbehar), all districts which are now located in the state of West Bengal, India.

The study is based on the ethnographic fieldwork conducted by an ethnographer Dr. Svetlana Ryzhakova, a leading research fellow in the Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Science, a member of Indian Anthropological Society. The wide range of literature and archival materials are under the investigation as well. It is the first attempt in Russian ethnography to explore the history and cultural diversity of this territory, and tribal groups of the past and present such as Toto, Dhimal, Bodo (Kachari), Rabha and others.

In the **Introduction (Land of olives, bamboo and milkweed)** Dr. Ryzhakova describes the details of her study. She came to the region for the first time in the January of 2002, at the invitation of Dinesh Rai, a teacher from a secondary school in the town of Mainaguri, who is a great enthusiast in the study of local folklore. The family of Dinesh, his wife Dipti (performer of songs in the Bhavaya tradition) and their daughter Anindita became dear to Svetlana. Another most important companion was Dilip Kumar Barma, a philosopher and longtime employee of a bank. He is a person keen on the study of village culture, beliefs, everyday life, songs, dances and ethnographic material. In 2017, he became Director of the Rural Self Employment Training Institute, Central Bank of India Jalpaiguri under the aegis of the Indian Ministry of Rural Development, but in April 2022 he was elected by people as a councilor of Jalpaiguri municipality. Apart from that he is a Vice President of the Academy of Folklore in Kolkata, and a member of the several folklore societies. Dilip and his wife Ranjana became for Svetlana dear friends and great helpers. It is thanks to

Dinesh and Dilip that ethnographic field research conducted in North Bengal and described in this book was fruitful.

Despite increased world-wide migration and globalization, a number of cases display cultural areas celebrate a certain long term stability. There may be several reasons for this: geographic isolation, political stagnancy, strong ethnic or communal identity supported by their attachment to a particular territory. This concerns spaces with an indistinct border, unclear state affiliation, weak or multiple centers of power, and an implicit or layered ethnocultural identity.

North Bengal connects South, Southeast and High Asia in many ways. The borderline of this area is reflected here on features of the social structure, on economic activities and livelihood, as well as on religious and everyday cultural activities. Today, there are large, widely settled, socially and professionally stratified ethno-cultural communities that have adopted the Bengali language, Hinduism, and in many respects, common Indian costumes such as the woman's sari, which primarily concerns Rajbansi. The communities of Rabha, Oraon, Bodo-Kachari, and Garo (scheduled tribes according to contemporary nomenclature) are living in their villages, and maintaining their languages, religious and daily customs. Their social structure is different when compared with *general castes*. Yet, the cultural space of the eastern Himalayan regions is a kind of meeting place and creolization of several linguistic, racial, economic, and ethnic communities.

Six chapters of the book consistently analyze the primary problems of the studied region's ethnography: territorial affiliation, boundaries, history, social and ethnic composition, the phenomenon of tea plantations, ethnopolitical movements which represent the dividing and projection of the region's possible future development in various ways.

The first chapter, **“Zone of uncertainty, North Bengal: problems of territory, borders and belonging”** raises the question of how to define North Bengal. The spatial geographical principle, combined with the peculiarities of political and ethnic history, as well as administrative affiliation became the factors that outlined the boundaries of this territory, however none of these became the decisive factor, which would finally rally it. The author analyzes regional belonging in the lands of Koch-Bihar, Jalpaiguri, Alipurduar and Darjeeling, along with their connection to the Indian “North-East”; both in the ideological space of the political concept and the historical and ethnographic reality.

The North-Eastern region of India today is at the center of focus for various political scientists, anthropologists, economists, sociologists. It represents an ethnographic jewel for studying the subject of borderlands. Simultaneously,

the area of the eastern sub-Himalayan plains near Assam (now part of West Bengal, bordering Bhutan, Sikkim, Nepal and Bangladesh) remains almost overlooked in public and scientific discussions. There are still few analytical anthropological works that comprehensively deal with this area.

North Bengal is an area of intersection for South, Southeast and Central Asian worlds, as well as the economic border between the agricultural zone and the tribes of gatherers and hunters. This is a vivid example of a rather long and wide border area, where there is a contact and junction of several frontiers: political, linguistic, ethnocultural, and geographical. However, in the concept of “Eight Sisters” North Bengal appears as if an invisible land, sandwiched between the “proper” and the “North-East”. A question arises: if Sikkim is the Indian “North-East”, then what are the regions of Darjeeling, Jalpaiguri, Alipurduar, Koch-Bihar? Are they really a cultural participant of Bengal in a broad sense, being that they are now its administrative unit in the state of West Bengal?

Another circle of questions concerns the connection between history, material culture and cultural practices often embodied in the circulation of objects and ideas. How do folklore, everyday life, cults, and the social structure of a given community grind history, appropriate various historical events, and subsequently postpone in the form of an ethnocultural and ethnographic picture?

Most of the peoples of North Bengal can be characterized as transborder communities; groups living on different sides of the state border. Their area of residence extends to India's neighboring Nepal, Bangladesh, and Bhutan. Many of these peoples are settled in several states such as West Bengal, Assam, Meghalaya etc. All this is reflected in the peculiarities of the historical memory and diversifies society, creating conditions for the formation of various past and future images across the entire region.

Speaking from the religious perspective, North Bengal is a space of coexisting tribal religions, partially transformed within the framework of Hinduism and Islam. The persuasion is very moderate with Islamized groups of the population retaining many elements of local traditional beliefs and rituals. Christianity is present to an extremely mild extent (primarily among the Garo and Rabha tribes), and on the periphery we find Tibetan Buddhist traditions and schools.

The caste society exists alongside tribal formations, and in the case of the Rajbansi, we clearly observe the processes of mutual adaptation, so to say, *kshatrization*, *sanskritization* and *hinduization* of the Tibeto-Burmese ethnic groups Bodo (primarily Mech and Koch). Kshatrization is one of the varieties of

Sanskritization, when groups imitate the way of life, rituals, behavior, and customs of higher Kshatriya groups.

The second chapter, **“Linked stories, broken frontiers and seams of everyday life: stages of local history and historical memory”** is devoted to the history of the region under study. One of the key approaches to identifying the model of its historical development is provided in the work by Sangitamitra Mishra, who studied the western tip of the state of Assam — Goalparu, and called it the space of “connected stories and broken boundaries”. This definition can be extended to the whole of North Bengal and the eastern Himalayan regions. We are referring to the buffer characteristic of this territory, when for a long time the — so to speak — multi-boundary profile has been preserved. This allows for the formation of a contact-type society in a suspended state of long, slow, gradual mixing, despite separate ethnic groups having been preserved.

The Mughals, British, Nepalese, Bhotia, Tibetans, Ahoms considered this region the distant outskirts.

By the 19th century, the processes of local modernization were evident in the Koch-Bihar princely court. Yet the majority of the regions inhabitants were tribal and semi-tribal communities living in the hills and jungles, eluding sedentarism and often a certain administrative and political affiliation.

Significant changes began to take place here in the middle and second half of the 19th century. By 1865 the British had annexed the entire territory of present-day North Bengal. The Bengal Presidency expanded its territory by way of annexation of the principality of Dimas, confiscation of the principalities of Jaintia, Ahom, Matak (1830–1842), annexation of the Duars conquered from Bhutan (1865), and inclusion of the Garo Hills (1872). As a result, only the princely states of Tripura and Koch-Bihar (Cooch Behar) remained independent.

Our observations show that some Hindu temples and cults have a unifying character here, among which the most notable is the famous Jalpeshwar (Jalpesh), whose name is associated with one of the legendary kings. There is also the pan-Bengali cult of Manasa-devi, or Bishohori, which is well-known in Western Assam. Legends about local rulers include stories in which local deities or heroes are interpreted as their incarnations. It is no coincidence that the practice of storytelling is popular here, and it is the storytellers (*gidals*) who carry the transformed historical knowledge. They weave local history into their narratives, thus creating a fabric of oral history that is understandable and accessible to the majority of the inhabitants of varying origins and ethnicities in North Bengal.

The third chapter, **“Society of North Bengal in the Indian social context: general characteristics”** is devoted to the peculiarities involved in the formation of the local social picture. The society of North Bengal is analyzed and compared to other regions in India from the perspective of class, caste and ethnic division. The main questions concern the order of social groups, mutual relationships between a number of tribes, scheduled castes, and the peculiarities which migration to the territory of North Bengal carried. Special attention is given to the religious culture and to the religious picture of local inhabitants.

The society of North Bengal reflects elements of social structures contained in all surrounding land and territory powers. In the geographical space of the *duars* and *terai*, a heterogeneous society has developed, ranging from tribal groups recently settled in villages (Mech, Garo) to an educated urban elite (mainly Bengali and Assamese). They have adopted the cultural model of the European planters who recently lived here. Most of the rural population is engaged in mixed agriculture. There are employees, artisans and merchants. Various ethnic groups display differing lifestyles and social systems as well. Semi-sedentary and sedentary farmers have come into contact with pastoralists: buffalo breeders (*moishal*) who lived here from winter to monsoon and formed friendly relationships with the locals. Jalpaiguri and Alipurduar are characterized by their maximum tribal diversity. The peoples considered as tribes fall into two categories (*adivasi* and *jhumiya*), and there are 38 different small ethnic groups.

The history of ethnic communities and social groups is vividly reflected in several types of settlements: compact mono-ethnic villages, forest village communities, shifting settlements, multi-ethnic villages of workers on tea plantations, and polyethnic villages of sedentary plains tillers. The processes of social mobility have appeared in sporadic caste movements, *sanskritization* and *kshatriazation*; however, after Independence they ceased. The Dhimals alone are eager to receive the status of a scheduled tribe and replace the “other backward class” status which they have been granted so far.

The fourth chapter, **“Ethnic picture of North Bengal: tribal communities and strategies for their social and cultural adaptation”** presents the ethnic mosaic of this area and investigates several of the most notable autochthonous ethnic groups. The culture, history and current reality of the Bodo Kachari, Mech, Rabha, Garo, Dhimal, Toto and Rajbansi are described in detail.

The Bodo are the most prominent people of the eastern pre-Himalayan area. The Bodo can be seen in two ways: as a broad ethno-linguistic community

including “proper” Bodo” (Bodo Kachari, as the Assamese call them) and the Mech, Koch, Dimasa, Twipra, Chhutia and other groups. The second way of seeing them is as an ethnic group now concentrated mainly on the territory of several Western Assam districts (mostly Kokrajhar and Goalpara). The “Bodo substrate” is present in all areas and spheres of the language and culture in North Bengal. Culturally, the Mech are very similar to Bodo Kachari.

Dhimal in India constitutes a small transborder group of less than 1000, with the majority living in Nepal. The efforts aimed at strengthening the ethnocultural self-awareness of the Dhimals made by Garjan Mallik are worthy of attention and respect. Another small group, the Toto, having had once engaged in large trans-himalayan commercial contact, chose the path of self-isolation in the twentieth century, and now live in one village on the border of Bhutan.

The Rabha is one of the peoples in North Bengal and Western Assam which have gone mostly unstudied. Its proximity to Garo, Bodo, and Rajbansi displays the plurality of its historical roots, and its religious culture demonstrates a long and slow mutual adaptation of elements of different origins. Perhaps, Rabha is the best example of a “multi-structure” in economy, way of life, family structure, and the complexity of the language picture. The gradual blurring of Rabha among the dominant neighboring peoples (Rajbansi, Assamese, Bengalis) does not contribute to the possible internal solidarity. None of the social tendencies displayed prevailed among the slaves — neither in the movement towards *kshatrization* and *hinduization*, nor the tribal rallying and the demand for autonomy.

North Bengal is at the periphery of the Limbu, Tharu and Garo settlements. They are only interspersed by single families into the ethnocultural picture of the Darjeeling and Jalpaiguri districts. However, the specificity of traditional Limbu occupations, the shamanic and healing practices, the matrilineal traditions and specification of their vast range Garo food make the Rajbansis noticeable in the complex landscape of the eastern pre-Himalayan plains.

The Rajbansis are on the borderlands culturally and socially. While retaining many features characteristic to neighboring tribal peoples, they have gone a significant way in the direction of *sanskritization*. The Rajbansis are an example of great social mobility.

The fifth chapter, **“Tea Plantations of North Bengal: ethnocultural characteristics and context of existence”** examines a page in local history which played a major role in the formation of the landscape and society: namely, the emergence of tea plantations. The chapter outlines major moments in the development of the Indian tea industry overall, as well as the peculiarities involved

in the formation of “gardens”; their administration and workers in the regions of Darjeeling, Jalpaiguri, Alipurduar.

Tea plantations in North Bengal have brought about a new form of identity that has remained largely marginal: the so-called tea tribes, *adivasis*. It is curious that the concept generally meaning “natives” or “tribes” has not been applied to the Tibeto-Burmese peoples here, and has only been used in relation to tribal migrants arriving from other regions. In Assam, tea tribes make up about 2 million people. In Jalpaiguri — in Darjeeling — about half a million, with 276 tea gardens currently operating. On the plantations in *duars*, tea collectors were most often Nepalese, sometimes Lepcha and Bhutiya. On the *terai*, flat lands of North Bengal, almost exclusively descendants of displaced small peoples were those who began to work.

The tea plantation sector has been and remains one of the most underdeveloped in India. In most cases, the workers live in poor economic conditions, they are poorly united and do not have access to decision-making. Their unions are very weak, and they have practically no social mobility.

Since 2005, some improvements were made to revive a number of abandoned gardens. This was made possible by the favorable market conditions, and after 2012, by West Bengal’s new political leadership. However, the economic situation for most workers remains poor. The 2020 Covid-19 global crisis hit workers in most tea plantations very hard.

In the sixth chapter, **“Clash of Boundaries. Ethnopolitical Movements in North Bengal: Gurkhaland, Kamtapur, Bodoland. Images and possibilities for local future”**, we turn to several ethnopolitical movements in North Bengal which represent the possible future development of the region in ways of zoning and imagining: how political projects turn out to be related to national projects, how the past and future of individual groups are modeled, how they acquire social and political weight, and how they come into conflict with each other. The section is devoted to this range of issues. Gurkhaland and Bodoland movements achieved the formation of special autonomous territories consisting of their own governing councils, representation and structures.

On the whole, however, we have to admit that while regional autonomy in a number of states plays a certain positive role, it does not always solve problems and does not completely eliminate hotbeds of tension. The main problem apparently lies in goal-setting: all movements advocating the recognition and improvement of the social status of their tribes, in fact, aim to improve the economic conditions of their community. Political demands, on the other hand, turn out to be gimmicks through which specific groups gain access to resources.

As a matter of fact, the rhetoric defines economic problems as *discrimination* against the given community. In practice, however, fair distribution of resources depends very much on the personal qualities of specific local leaders, and very little on which ethnic groups they belong to.

In the Afterword entitled “**Edges, Boundaries and Limits**” the author recalls Georg Simmel’s essay, “Bridge and Door”. “The image of external things,” he writes, “possesses for us the ambiguous dimension that in external nature everything can be considered to be connected, but also as separated. The uninterrupted transformations of materials as well as energies bring everything into relationship with everything else and make *one* cosmos out of all the individual elements. The human being is the connecting creature who must always separate and cannot connect without separating. And the human being is likewise the bordering creature who has no border”.

The author concludes that eastern Himalayan regions of India are both bridges and doors; however, over time they have lost their functions. *Duars* were doors to the trans-Himalayan routes that once connected South Asia with its northerly neighbors. Now, many of them have been boarded up and have become walls. And the bridges do not lead anywhere. Now it is the periphery of the Indian states of West Bengal and Assam, the borderlands of Nepal, Bhutan, Bangladesh. Behind the *Gorkhaland* and *Bodoland*, ideas of broader territorial claims, which are currently rather passive, only flicker. There are several other smoldering hopes here.

In general, ethnic processes in North Bengal are characterized by two trends. One is aimed at parochialization (the formation and strengthening of their ethnic consciousness), which is different from the neighboring majority (“we are not Bengalis”, “we are Tharu”, “we are Rajbansis”, “we are Limbu”). Accordingly, this leads to the creation of counter-narratives. The second trend is the merging with the mainstream or dominant group of the region (i.e. Bengali or Nepali).

Edges and limits paradoxically combine abandonment and heightened sensitivity. In the space we have studied, they take on a very peculiar configuration. North Bengal is a very specific space, somewhat resembling a broken mirror. Each of the ethnic communities living here is a thread leading somewhere; either connecting, or on the contrary, cutting through this area. As a result, the eastern pre-Himalayan plain regions of India elude any precise, unambiguous definition, and remains a space of connected, albeit isolated, ethnic groups. This reflects more pronounced processes taking place in the neighboring regions of Nepal, Bangladesh, Northeast India and main India located to the south and west from the “chicken neck” or “bottleneck” of the Siliguri corridor

Оглавление

<i>Введение.</i> Земля олив, бамбука, молочая	6
Слова признательности	22
<i>Глава 1.</i> Зона неопределенности. «Северная Бенгалия»:	
проблемы границ и принадлежности земель	24
Индийский Северо-Восток и его окрестности	24
Северная Бенгалия: понятие и содержание	30
Географические субобласти Северной Бенгалии, хозяйство и занятия местных жителей	45
Районы Северной Бенгалии и их историко-культурное своеобразие	49
Северная Бенгалия и Ассам	58
<i>Глава 2.</i> Узлы истории, разорванные границы, швы повседневности:	
этапы местной истории и историческая память	66
Легендарное прошлое, кираты, млечча и первые государства	68
Британский период и формирование этнокультурных идентичностей в XVIII — первой половине XX в.	76
После обретения независимости и раздела Индии	83
Узлы истории, историческая память и мифы	86
<i>Глава 3.</i> Общество Северной Бенгалии в контексте индийского социума: общая характеристика	104
Проблемы культурно-антропологической классификации индийского общества	104
Общество в Бенгалии, Ассаме и Непале	114
Общество Северной Бенгалии	118
<i>Глава 4.</i> Этническая картина Северной Бенгалии: племенные сообщества и стратегии их социальной и культурной адаптации. . .	132
Бодо (боро) / бодо (боро)-качари: язык, культура, народ, сообщество	132
Меч: «мерцающая» идентичность	165
Дхималы: разделенный народ Непала и Индии	177
Тото, контактная культура закрытого типа на бутанско-индийском пограничье	198
Рабха: многовекторная адаптация	227
Гаро: «люди гор» на равнинах Северной Бенгалии	253
Лимбу: трансграничные знахари, колдуны и шаманы.	263
Раджбанси Северной Бенгалии: амальгама идентичностей.	268

Оглавление

Глава 5. Чайные плантации Северной Бенгалии: этнокультурные особенности и контекст существования.	341
Глава 6. Встреча пограничий: образы и варианты местного будущего. Этнополитические движения Северной Бенгалии — Горкхаленд, Камтапури, Бодоленд.	353
Движение Горкхаленд.	358
Движение Камтапури.	363
Движение Бодоленд.	366
Послесловие. Края, границы и пределы.	371
Литература.	379
North Bengal: Ethnic Profile and Ethnographic Outlook. East Himalayan regions of India.	399

Научное издание

Светлана Игоревна Рыжакова

СЕВЕРНАЯ БЕНГАЛИЯ

Этнический профиль и этнографическая картина
восточно-пригималайских областей Индии

Корректор *М.А. Иванова*

Оригинал-макет *Л.Е. Голод*

Дизайн обложки *И.А. Тимофеев*

Подписано в печать 16.06.2022. Формат 60×90^{1/16}.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл.-печ. л. 25,5. Тираж 300 экз. Заказ № 2508

Издательство «Нестор-История»

197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7

Тел. (812)235-15-86

e-mail: nestor_historia@list.ru

www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии издательства «Нестор-История»

Тел. (812)235-15-86